

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ЛИЧНОСТЬ

«Я — Люся Улицкая»

Писательница побывала в Перми на премьере спектакля «Весёлые похороны» в Театре-Театре

Юлия Баталина

В честь премьеры Людмила Улицкая провела пресс-конференцию, а также автограф-сессию, на которую мог прийти любой зритель, который приобрёл билет на «Весёлые похороны». Несмотря на строгий формат и ограниченный хронометраж событий, писательница успела сказать немало важного.

О театре

У меня с театром длинная семейная история. Моя бабушка была актрисой: Серебряный век, времена Айседоры Дункан... Об этом написано в моей книге «Лестница Якова».

Я сама — генетик, биолог. Немного поработала по специальности, потом долго не работала, а потом меня пригласили в театр — Камерный еврейский театр — на должность завлита, потому что я занималась историей христианства, а христианство вышло из недр иудаизма. В театре решили, что этого достаточно.

Время работы в театре было очень интересным. Я много читала. Для меня эти три года были переходными в жизни: я отказалась от своего образования и получила новое — уже в театре, «на коленке» — в процессе работы. Я должна была обеспечивать пьесами текущий репертуар, читать пьесы, которые приходили «самотёком», и отвечать за рекламу. Это было единственное в моей жизни место работы, где я была на госслужбе.

Спектакли шли на идише, но этого языка никто не знал, кроме двух преподавателей — выходцев из театра Мейерхольда.

Драматургия, которую порой приходилось читать, была так плоха, что я решила писать сама, поскольку получится точно лучше, — и написала пьесу «Мой внук Вениамин». Я мечтала, чтобы в этой пьесе сыграла Лия Ахеджакова, и недавно моя мечта сбылась.

Это было мое вхождение в театр, и на протяжении всех 1980-х годов я писала пьесы, в основном детские. Позже я отошла от театра, но совсем от него не ушла. Пьесы — дело гораздо более сладкое и лёгкое, чем проза. «Русское варенье» я писала просто с наслаждением! У меня и сейчас в голове бродят театральные мысли.

О режиссёре Анджее Бубене и его спектаклях

То, что Анджей обратил внимание на мои тексты, — моя главная театральная удача. Я — житель XX века, а Анджей — XXI, его театр — это театр завтрашнего дня, он впитал прежде наработанные ценности и дополнил их. Посмотрев «Весёлые похороны», я поняла, что



Анджей снова попал в цель. Благодаря ему мой театральный роман состоялся.

Анджей — европеец, но в нём присутствует славянская чувствительность. Я себя ощущаю не европеем, а человеком, потерянным в мире, поэтому очень хорошо, что он поднимает то, что я делаю, на европейский уровень.

«Весёлые похороны» дважды экranizировались, и оба раза неудачно. Мне казалось, что эта повесть не рассчитана ни на театр, ни на кино. Я бы сама не взялась написать по ней сценарий! Но в инсценировке Анджея я уверена: он уже поставил спектакль по роману «Даниэль Штайн, переводчик», который невозможен поставить в театре, категорически. Но Анджей знает как!

О самоидентификации

Очень важно ответить себе, кто ты. В США проходило тестирование: люди должны были ответить на вопрос, казалось бы, очень простой — «Кто ты?». Отвечали по-разному: «инженер», «американец», «гомосексуалист», «муж своей жены»... Отвечали, подчёркивая наибольшее существенное. Я ответила: «Я — Люся Улицкая», и оказалось, что так отвечают примерно 1% людей, но это неплохой вариант ответа — он подчёркивает уникальность и индивидуальность, тогда как другие в ответах относят себя к определённой социальной группе.

О «Весёлых похоронах» и их главном герое

Это одна из первых моих повестей. Я её написала, потом она лет пять лежала, и в 1995 году я к ней вернулась и закончила. Эта история в моей жизни повторялась много раз. Мой первый муж Юрий Тайц умер от той болезни, что описана в повести, — рассеянного склероза. Это был очень

яркий человек, центрообразующий. Его нет уже около 40 лет, но жива его мама, и друзья до сих пор у неё собираются.

После этого не раз уходили яркие люди, которые оставляли после себя не пустоту, а пространство любви: мирили тех, кто был в ссоре и всё такое. История повторялась с вариациями, и я поняла, что надо принять этот вызов. За спиной Алика стоят и мой друг Юлий Даниэль, и нью-йоркский художник Виталий Длуги. Их портреты — у меня на стене, в галерее прототипов моих героев.

О пермских корнях известного героя

У меня есть герой — Павел Кукоцкий из романа «Казус Кукоцкого». Его прототип — пермский доктор Павел Алексеевич Гузиков, он был отчимом моей подруги, театроведа Ирины Павловны Уваровой, и на меня огромное впечатление произвели истории из жизни этого потрясающего доктора. У меня на стене висит его портрет в белом халате.

О том, что читала в детстве

В детстве в моём распоряжении были две библиотеки — в квартирах двух бабушек. У маминой мамы книжный шкаф стоял в коридоре, и там было очень много старых гимназических книг — приложений к журналу «Нива» и к «Задушевному слову». Самой важной из этих книг стал для меня «Дон Кихот».

Это была «ближняя библиотека», потому что бабушка жила в соседнем доме. У другой бабушки, Марии Петровны, сохранилась дедушкина деревоэволюционная библиотека, весьма изысканная — там были издания Андрея Белого, Анны Ахматовой, Марины Цветаевой. Пoesия оказалась в моих руках очень рано: в 13 лет я открыла для себя Пастернака.

Сейчас у меня есть отборная «золотая библиотечка» для детей и внуков. Я уже семь раз проходила этот путь — от сказок и Киплинга до «Капитанской дочки». Язык Пушкина для детей XXI века очень сложен: приходится объяснять, что такое «тулупчик», например. А какая же «Капитанская дочка» без заячьего тулутика?

О страхе и свободных взглядах

Мои родители принадлежали к «молчанию поколению». Это были люди страха, а мы всю жизнь боремся с этим страхом. Страхи бывают разные — страх смерти, страх улицы, страх государства. Государство придумано вообще-то для удобства, чтобы обеспечивать защиту границ и социальные функции. Когда оно выходит за пределы выполнения этих задач, начинаются противоречия между личностью и государством: государство хочет подчинить человека целиком, а человек сопротивляется, хочет сохранить индивидуальность. Если общество становится слабее — государство становится сильнее. Поэтому мы должны быть гражданами и обеспечивать сильное общество.

Государство не любит оппозицию, но ведь никто, кроме неё, не говорит, что надо исправить, а исправлять надо многое.

Мне просто придерживаться свободных взглядов: я нигде не служу, у меня нет ни начальства, ни подчинённых, меня нельзя, например, уволить. Так что у меня высшая степень свободы — я независима.

* * *

В финале непродолжительной встречи с читателями-зрителями артисты стажёрской группы Театра-Театра устроили для Улицкой красивый и необычный перформанс с музыкой и цветами.